

Лоу Цинкун ощутил действие яда и, мучимый невыносимой болью, беспомощно и жалко стонал на земле. Стоило ему издать пару жалобных воплей, как силы оставили его. Кое-как сдерживая себя, он в отчаянии поднял голову и посмотрел на Мин Батяня, а в его голосе прозвучали нотки лести и страха:

— Дядюшка, господин союзник, я вспомнил про ту нефритово-драгоценную подвеску! Умоляю, пощадите меня! Я отдам вам всё, что угодно, только дайте противоядие! У меня голова сейчас расколется, а-а...

Мин Батянь холодно и презренно уставился на жалкого человека, который валялся у его ног, полностью покорившись и согнувшись в три погибели. Внезапно лицо его расплылось в широкой улыбке, а затем переросло в раскатистый, полный торжества и удовлетворения смех. Раз уж даже сын великой княжны царства Чжоу готов преклонить перед ним голову, разве далек тот день, когда он сам взойдет на престол верховного владыки девяти пяти?!

Мин Батянь на мгновение задохнулся от переполнявших его чувств: планы, вынашиваемые больше десяти лет, наконец-то должны были увенчаться успехом. Даже его закаленный разум в этот момент неизбежно поплыл от столь легко доставшихся сокровищ.

Если бы это был какой-нибудь двухмерный мир, то в этот самый момент Мин Батянь предавался бы мечтаниям, бродя по сказочным зеркальным мирам, а за его спиной одна за другой распускались бы розовые персиковые цветы, украшая мир вокруг донельзя счастливой, роскошной и дивной красотой...

— Хорошо, отлично! Славный племянник, тебе стоило сделать это раньше, и дядюшке не пришлось бы так сильно тебя мучить. Ну же, говори скорее, где эта нефритовая подвеска?

Лоу Цинкун зажал голову обеими руками, глухо стонал и испытывал невероятные муки. Увидев это, Мин Батянь в нетерпении махнул рукой, приказывая тому самому человеку в черном подойти и дать ему противоядие, а затем нетерпеливо подался вперед, сгорбив спину — ему не терпелось услышать ответ поверженного на землю Лоу Цинкуна.

Притворившись истощенным от нетерпения, Лоу Цинкун прямо-таки выхватил пиллюлю из рук человека в черном и сунул себе в горло. В тот момент, когда человек в черном, наполовину поднявшись на корточках, небрежно качнул полую одежды и обнажил внутреннюю сторону голени своего сапога, где виднелась рукоять кинжала с противоскользящими поперечными бороздками, в глазах Лоу Цинкуна мелькнула вспышка. Он тут же быстро поднял взгляд и бегло окинул взглядом единственную открытую часть лица человека в черном — его глаза: они были пустыми и совершенно безэмоциональными!

Сердце Лоу Цинкуна пропустило удар, но он тут же притворился, будто ничего не заметил, сохранив на лице выражение искаженной от боли гримасы.

Всего через мгновение он наконец пришел в себя после жуткой боли. Услышав вопрос, Лоу Цинкун напустил на свое некогда суровое и мужественное прекрасное лицо лстивую улыбку:

— Господин союзник, та нефритовая подвеска, которую вы ищете, донельзя непримечательна. Это просто-напросто самая обыкновенная, ничем не примечательная дешевая вещица из шкатулки для драгоценностей, оставленной мне матерью. Интересно, зачем она понадобилась дядюшке? Неужели с ней связана какая-то страшная тайна Демонической секты? Дядюшка что, собирается заявить об этой подвеске во всеуслышание?

Сказав это, Лоу Цинкун скривил рот и изобразил такой вид, будто расставаться с сокровищем ему невыносимо больно и жалко. Это заставило пребывающего в прекрасном расположении духа Мин Батянь взглянуть на него еще пару раз, и в конце концов он нашел эту эгоистичную натуру на редкость забавной. Более того, из-за собственной склонности к эгоизму он даже почувствовал с Лоу Цинкуном некое сходство интересов.

Мин Батянь без сомнений был человеком до мозга костей эгоистичным. Двадцать лет назад ради обогащения он женился на женщине по фамилии Мин Мэн, а несколько лет спустя, когда дела пошли в гору, перестал удовлетворяться скромной и сытой жизнью. К несчастью, тогдашний мир цзянху был слишком тихим: прежняя Демоническая секта под тяжелейшим давлением шаолиньских и уданских монахов была вынуждена бежать и покинуть Центральные равнины. Но однажды Мин Батянь увидел, как некий торговец открыл две разные лавки и устроил между ними искусственную конкуренцию, чтобы привлечь покупателей. Его внезапно озарила вспышка вдохновения, и с тех пор родилась творящая всевозможные злодеяния Демоническая секта!

Злобный делец: я виноват, я раскаиваюсь, я лишь знал, что союзник совершил чудовищные преступления, но я и не ведал, что началом его злодеяний был я...(□□)□□Стена В конце концов многолетний застой в цзянху вновь сменился оживлением, и вполне закономерно, что полностью подготовившийся Мин Батянь благодаря Горной усадьбе Справедливости с успехом завоевал титул главы союза. С тех пор на протяжении десятка лет в цзянху шло непрерывное кровавое противостояние Демонической секты и праведных сил. Мин Батянь тем временем методично искоренял инакомыслящих и теперь уже почти полностью подмял под себя всю полноту власти как светлых, так и темных сил цзянху, так что штурм императорского двора был уже не за горами!

Прежде Мин Батянь ломал голову над тем, какой же лозунг выдвинуть для начала восстания. Хотя он и считал собственное лицо достаточно толстым, а любые самые бесстыдные призывы мог подать под благородным и праведным соусом, но...

Бросив взгляд на Лоу Цинкуна, чье красивое лицо все еще морщилось от жадности и сожаления, Мин Батянь не удержался и снова громко рассмеялся: небеса поистине решили одарить его несравненным величием! Нынче ему не только преподнесли бесконечные богатства, но даже повод для восстания сам шел в руки!

Что может быть более праведным и благородным, чем месть и возрождение павшей императорской семьи царства Чжоу?!

Думая об особом происхождении Лоу Цинкуна, Мин Батянь смотрел на жадного, скупого и терзающегося от сожалений парня со всё большим расположением, и в его взгляде сами собой

проступили мягкие нотки:

— О? Мой племянник тоже считает, что предавать это огласке слишком жалко? И то верно. А знаешь ли ты, что эта нефритовая подвеска символизирует собой несметные сокровища и богатства? Тот, кто завладеет ими, сможет поспорить богатством с самим государством!

Заметив, как у Лоу Цинкуна загорелись глаза и на лице отразилась жадная алчность, Мин Батянь наигранно вздохнул, покачал головой и протянул:

— Жаль только, если об этом узнает нынешний Сын Неба, эту вещь непременно придется сдать в казну! Посмотри-ка: десяток лет назад государь Великой Дай уничтожил царство Чжоу, но что мы видим теперь? Выходцы из некогда великого царства Чжоу влачат жалкое существование, да и среди подданных нашей Великой Янь немало тех, кто умирает от голода и холода. Каждый раз, видя это, сердце обливается кровью. Эх, если бы можно было сменить государя на мудрого и милосердного...

На этих словах Мин Батянь, судя по всему, сообразил, насколько крамольными были его речи, и торопливо замолк, однако на его лице по-прежнему застыло выражение: правитель таков, что о бедах простого народа остается лишь горевать! Я вот так переживаю, что скоро сам стану лысым, словно монах. Казалось, будто он — истинный великий муж, чья душа болела о бедах Поднебесной прежде, чем о собственных.

Услышав слова Мин Батяня, Лоу Цинкун осекся на полуслове своей льстивой улыбки, его глаза на мгновение погрузились во мрак, но тут же вновь стали прежними. Мин Батянь, всецело погруженный в мысли о том, какой же он замечательный человек и что мудрый правитель Поднебесной — это он сам, ничего не заметил. Стоявший неподалеку человек в черном с самого начала и до конца с бесстрастным видом стоял у входа в темницу, опустив голову, и преданно выполнял роль безмолвной деревяшки...

Лишь после того, как Мин Батянь, увлеченный хитростью Лоу Цинкуна, удалился на поиски Лао Байвэя за нефритовой подвеской, бурные эмоции на лице Лоу Цинкуна постепенно утихли и сменились полным спокойствием. Заметив внезапное намерение Мин Батяня, Лоу Цинкун мгновенно сообразил, что к чему. Сдедав крайне возмущенный и взволнованный вид, он словно собирался броситься на кого-то в отчаянной схватке, принялся на все лады расписывать, как Лао Байвэй в прошлом невеста с чего начал навязываться, всячески унижался и прислуживал, а в итоге за бешеные деньги выкупил ту паршивую нефритовую подвеску. Под конец же, изобразив крайнюю обиду и обманутое доверие, он выдал яростную тираду: мол, Лао Байвэй давным-давно обо всем знал, а потому в тот раз внезапно прибежал, чтобы отпустить его, и потом всю дорогу упорно цеплялся, требуя бежать вместе; в конце концов, после трех лет непрерывных стараний, ради их неплохих дружеских отношений Лоу Цинкун соизволил продать ее этому товарищу за сто лянов золота...

Продать паршивую нефритовую подвеску за сто лянов золота — у тебя вообще совесть есть называть это проявлением многолетней дружбы?!

До чего же бесстыдно — аж сердце кровью обливается от такой наглости, а законченные подлецы рыдают в сторонке!

Почему рыдают законченные подлецы? Да потому что они чувствуют себя полными ничтожествами, уступая ему в подлости!

Даже такой бессовестный тип, как Мин Батянь, и тот на мгновение остолбенел от странного оцепенения, а затем, не оглядываясь, сломя голову бросился на поиски Лао Байвэй.

Сейчас, однако, было не до размышлений о том, до какой же степени бесстыдства докатился Лоу Цинкун и кто из них двоих больший мерзавец. Куда важнее другое: откуда Лао Байвэй узнал о сокровище? Да еще и три года назад прознал про нефритовые подвески! Видя, как долгожданный успех уже маячит на горизонте, Мин Батянь ни за что не допустил бы никаких неожиданностей!

Лоу Цинкун был уверен, что грызня между Мин Батянем и Лао Байвэй — который уже успел вместе с Мин Мэн хорошенько подставить его самого — закончится не слишком быстро. Ведь Мин Батянь до безумия жаждал заполучить это сокровище, а Лао Байвэй никак не мог толково объяснить, с чего вдруг он тогда бросил своего возлюбленного и, наплевав на все остальное, намертво привязался к сбегающему Лоу Цинкуну...

От этого зрелища так и веяло брошенной женой!

По мнению Мин Батяня, кроме баснословного богатства, способного заставить Лао Байвэй отринуть вообще всё, здесь просто не могло быть иных причин! Не мог же тот внезапно осознать, что его истинной любовью на самом деле был Лоу Цинкун, которого вечно хотелось запереть в темной комнате и хорошенько потискать!

Мин Батянь и сам не подозревал, что случайно коснулся краешка правды. Сейчас он лишь мысленно хмыкал — сегодня его эмоции чересчур бушевали, раз в голове рождались даже такие безумные фантазии!

Находясь в тайной темнице на дне озера, Лоу Цинкун сидел на земле, мысленно раскладывая по полочкам только что полученные сведения. Раньше он думал, что Мин Батянь интересуется лишь сокровищами, но кто бы мог подумать...

Вспомнился сегодняшний человек в черном, беспрекословно подчинявшийся приказам Мин Батяня. Он выгляделов точь-в-точь как те наемники в черном и с масками на лицах, что объявлялись в Деревне семьи Лю: у обоих был тот же пустой взгляд, казавшийся совершенно лишенным каких-либо эмоций, и оба пользовались особыми кинжалами. Эти кинжалы отличались удивительной лаконичностью — на них не было никаких узоров или украшений, лишь простые поперечные бороздки на рукояти, защищающие от скольжения. Но именно из-за своей простоты они выглядели необычайно оригинально.

Обычно мастера, кующие оружие, по тем или иным причинам наносят на готовое изделие какие-нибудь узоры — то ли для красоты, то ли в качестве особого знака.

Лоу Цинкун невольно вспомнил двенадцать стражей, стоявших за спиной Мин Мэн. Хотя во взглядах этих стражей читалось лишь холодной безразличие, а лица всегда оставались бесстрастными, сейчас Лоу Цинкун отчетливо уловил некое неуловимое сходство между двенадцатью стражами и теми убийцами в черных масках...

Лоу Цинкун нахмурился и погрузился в раздумья. Выходило, что Мин Батянь вовсе не ограничивается делами цзянху — он всерьез замахнулся на государственный переворот и мятеж! Быть может, Мин Батянь тесно связан с главой Демонической секты? Это их совместное предприятие? Или он держит того в заложниках, шантажируя силой? А может, между ними изначально существовали какие-то близкие отношения?

Вспомнив появление Демонической секты — нынешнего Светозарного учения — десяток лет назад, последовавшую за этим смуту в мире цзянху, создание Союза боевых искусств и, наконец, избрание лидера союза...

Было ли все это простой случайностью? Или за этим стоял чей-то злой умысел? Лоу Цинкун поднял руку. Между его пальцами была зажата пилюля — та самая «противоядия», которую он ранее отобрал у человека в черном и которую якобы уже должен был проглотить. Лоу Цинкун запустил руку за пазуху и вытащил другую вещицу: маленькую, размером с жемчужину, сияюще-белую бусину с темными разводами. Бусина была не больше большого пальца, полностью заключенная в искусно сплетенный из красных нитей сетчатый чехол, позволяющий носить ее прямо на поясе.

Это была Жемчужина очищения от ядов, которую Линху Фэн отдал Лоу Цинку перед уходом. Глядя на ярко-красные нити, Лоу Цинкун на мгновение поддался своему слабому месту и повесил ее прямо на узел своего пояса, ближе к телу.

И слава богу, что он так поступил, иначе при обыске Жемчужину очищения от ядов точно забрали бы. Благодаря этому, когда его позже заставили выпить яд, Лоу Цинкун лишь на мгновение почувствовал жжение и легкий дискомфорт, а затем — абсолютно ничего. Правда, Лоу Цинкун не знал, есть ли у Жемчужины очищения какие-либо ограничения, поэтому он и спрятал противоядие тайком. К счастью, Мин Батянь лично видел, что Лоу Цинкун отравился, и никак не мог предположить, что кто-то станет не спешить с приемом лекарства.

Лоу Цинкун раскрошил пилюлю, слегка смочил ее водой и мазнул немного получившейся кашицы на Жемчужину очищения от ядов. И действительно: жемчужина, которая до этого лишь слегка темнела, сначала вернула себе сияющую белизну, а затем постепенно приобрела синеватый оттенок.

Лоу Цинкун не знал, что означала такая перемена Жемчужины очищения от ядов, но, поразмыслив, решил, что яд и противоядие, смешавшись, вероятно, образовали какой-то новый яд? Лоу Цинкун изначально не верил, что Мин Батянь так просто отдаст ему противоядие. В конце концов, судя по всему, Мин Батянь собирался оставить его в живых ради какой-то пользы, иначе стал бы такой человек, как Мин Батянь, возиться с бесполезными людьми?

Естественно, раз человека собирались использовать, то и сделать так, чтобы он полностью оказался у него в лапах, — это первое, в чем тот должен был убедиться!

Нахмурившись и вздохнув, Лоу Цинкун посмотрел на бусину, и в этот момент вспомнил Наставника. Интересно, как сейчас Наставник? Хорошо, что он заранее велел Наставнику

покинуть Горную усадьбу Справедливости.

Однако Лоу Цинкун и не подозревал, что нынешний Линху Фэн прекрасно и сытно живет у подножия Пика Безымянного. Из-за Горной усадьбы Справедливости крошечная деревушка, насчитывавшая всего несколько дворов, теперь явно превращалась в небольшой городок. Линху Фэн лениво развалился под единственным в маленьком дворике деревом бегонии, прищурившись и тупо глядя на листву, а на стоящем рядом низком столике, до которого можно было дотянуться рукой, стояло блюдо, доверху наполненное самыми разными свежими фруктами. Но Линху Фэн, всегда обожавший поесть, с раздражением обнаружил, что настал день, когда у него совершенно пропал аппетит!

Интересно, не подвергают ли его послушного ученика жестоким допросам? Не бросили ли его в темный чулан, где над ним всячески издеваются и устраивают всякие жестокости...

Кхм, насчет жестокостей — ладно, а вот насчет насилия — пожалуй, хватит.

С тех пор как Линху Фэн вчера покинул Горную усадьбу Справедливости и поселился в этом дворике, ему еще не довелось нормально поесть. Раньше А Цзю с таким трудом заставлял себя хоть изредка готовить мясные блюда, а теперь Линху Фэн поймал себя на том, что мысленно невольно жалуется: мол, готовят совсем не так вкусно, как его собственный послушный ученик...

Опомнившись, Линху Фэн сам готов был покраснеть. Ай ма, эта мысль слишком бесстыдна! А Цзю и так завален делами, но все равно специально возвращается к трем приемам пищи, чтобы встать к плиты, а он еще смеет жаловаться!

Пусть даже это было лишь молчаливой жалобой в глубине души, всё равно чувствовалось, что это слиш-шк-шжом бесстыдно!

Линху Фэн лениво посмотрел на зеленый лист бегонии, сорванный ветром, и в его вечно дурашливом сердце зародилась какая-то меланхолия и пустота. Раньше стоило ему получить вкусную еду, как все его тело наполнялось чувством абсолютного счастья, а теперь он на собственном опыте познал, что такое одиночество, пустота и холод.

Ему вдруг ужасно захотелось сочинить высокопарное стихотворение. Линху Фэн поднялся, заложил одну руку за спину, другую прижал к груди и выпрямился во весь рост. Легкий ветерок взметнул полы его хаола, растрепал длинные волосы, а на лице застыло холодное выражение, в глазах же читалась глубокая тоска...

Внезапно его изящные брови-мечи слегка нахмурились, тонкие губы едва приоткрылись, и он беззвучно вздохнул: ай ма, всё равно ничего не выдавить, блин.

<http://bllate.org/book/21694/2237561>